

С Е Р И Я
С О Ц И А Л Ь Н А Я
Т Е О Р И Я

THE MYTH OF 1648:

*Class, Geopolitics,
and the Making of Modern
International Relations*

BENNO TESCHKE

Verso

LONDON AND NEW YORK

МИФ О 1648 ГОДЕ:

*класс, геополитика
и создание современных
международных отношений*

БЕННО ТЕШКЕ

Перевод с английского
ДМИТРИЯ КРАЛЕЧКИНА

*Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2011

УДК 327(09)
ББК 66.4(4)'6-6
Т38

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
АРТЕМ СМИРНОВ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Тешке, Б.

Т38 Миф о 1648 году: класс, геополитика и создание современных международных отношений [Текст] / пер. с англ. Д. Кралечкина; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. — 416 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0827-5 (в пер.).

Настоящая книга опровергает распространенное представление о том, что Вестфальские мирные соглашения 1648 г. не только положили конец Тридцатилетней войне в Европе, но и ознаменовали собой рождение нового международного порядка, основанного на взаимодействии суверенных государств. Автор показывает, что внутригосударственные «общественные отношения собственности» оказывали определяющее влияние на международные отношения по меньшей мере до начала Великой французской революции. Династические монархии, правившие в это время, отличались от своих средневековых предшественниц степенью и формой персонализации власти, но не ее основополагающей логикой. Действительные перемены произошли относительно недавно и были связаны с развитием современных государств и капитализма. Современная система международных отношений возникла только после того, как правительства начали править беслично, ограничив свои функции осуществлением монополии на насилие.

Книга адресована историкам, социологам, политологам.

УДК 327(09)
ББК 66.4(4)'6-6

First published by Verso 2003.

ISBN 978-5-7598-0827-5 (рус.)
ISBN 978 1 85984 693 9 (англ.)

© Benno Teschke 2003
© Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	12
БЛАГОДАРНОСТИ	20
ВВЕДЕНИЕ	22
I. НАЧАЛА И ЭВОЛЮЦИЯ НОВОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ: СПОР В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	38
1. ВВЕДЕНИЕ: ОТ СТРУКТУРЫ К ИСТОРИИ	38
2. СТРУКТУРНЫЙ НЕОРЕАЛИЗМ	39
3. ИСТОРИЗИРУЮЩИЙ РЕАЛИЗМ	43
4. ИСТОРИЗИРУЮЩИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ	57
5. НЕОЭВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ	64
6. НЕОМАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ МО	74
7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: К НОВОЙ ТЕОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ НОВОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	78
II. ТЕОРИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	82
1. ВВЕДЕНИЕ	82
2. ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКИМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ В ФЕОДАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	85

3. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СТРУКТУРЫ И СУБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ В ФЕОДАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	98
4. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ «МЕЖДУНАРОДНЫХ» ИНСТИТУТОВ	104
5. ФЕОДАЛЬНЫЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ СИСТЕМЫ»: ПО ТУ СТОРОНУ АНАРХИИ И ИЕРАРХИИ.	115
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ	120
III. ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОАКТОРНОЙ ЕВРОПЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	122
1. ВВЕДЕНИЕ: ОТ ИЕРАРХИИ К АНАРХИИ	122
2. КАРОЛИНГСКАЯ ИМПЕРИЯ.	127
3. ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРЕХОДА ОТ ИМПЕРСКОЙ ИЕРАРХИИ К ФЕОДАЛЬНОЙ АНАРХИИ	133
4. НОВЫЙ СПОСОБ ЭКСПЛУАТАЦИИ	138
5. ПОСТКРИЗИСНАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ (XI—XIV вв.)	150
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОАКТОРНОЙ ЕВРОПЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	170
IV. ПЕРЕХОДЫ И НЕПЕРЕХОДЫ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ: КРИТИКА КОНКУРИРУЮЩИХ ПАРАДИГМ	175
1. ВВЕДЕНИЕ: ВОЗВЫШЕНИЕ ЗАПАДА?	175
2. МОДЕЛЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ.	177

3. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ	194
4. МОДЕЛЬ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ.....	197
5. КАПИТАЛИЗМ, НОВОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И НОВОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВ: РЕШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ.	211
V. «L'ÉTAT, C'EST MOI!»: ЛОГИКА ФОРМИРОВАНИЯ АБСОЛЮТИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА	222
1. ВВЕДЕНИЕ: ИДЕАЛИЗАЦИЯ АБСОЛЮТИЗМА	222
2. СПОРЫ ВОКРУГ АБСОЛЮТИЗМА: ПЕРЕХОД ИЛИ НЕПЕРЕХОД?.	224
3. РАЗВИТИЕ И ПРИРОДА ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА	246
4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ АБСОЛЮТИЗМА.....	278
VI. МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: МЕРКАНТИЛИЗМ И СОЗДАНИЕ МОРСКИХ ИМПЕРИЙ	285
1. ВВЕДЕНИЕ: «ДОЛГИЙ XVI ВЕК» И МЕРКАНТИЛИЗМ	285
2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ: МЕРКАНТИЛИЗМ КАК ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ. . .	286
3. КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ И ЕЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	290
4. ПРИВЕЛ ЛИ МЕРКАНТИЛИЗМ К РАЗВИТИЮ КАПИТАЛИЗМА?	296

5. ЗАКРЫТЫЕ ТОРГОВЫЕ ГОСУДАРСТВА: ЕДИНООБРАЗНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ?	303
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: «БОГАТСТВО ГОСУДАРСТВА» ПРОТИВ «БОГАТСТВА НАРОДА»	304
VII. ДЕМИСТИФИКАЦИЯ ВЕСТФАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ	309
1. ВВЕДЕНИЕ: ТЕОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ, ДЕЙСТВИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ	309
2. СТРУКТУРА И СУБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ В ВЕСТФАЛЬСКОМ ПОРЯДКЕ	315
3. ВЕСТФАЛЬСКИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАК СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС ДИНАСТИЙ	321
4. ЦИРКУЛЯЦИЯ ТЕРРИТОРИЙ, ЦИРКУЛЯЦИЯ ПРИНЦЕВ	331
5. ДИНАСТИЧЕСКОЕ ХИЩНИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ И БАЛАНС СИЛ	336
6. ДЕМИСТИФИКАЦИЯ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА	343
7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КОНЕЦ КОНЦЕПЦИИ 1648 г.	353
XVIII. ПО НАПРАВЛЕНИЮ К НОВОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПЕРЕХОДЕ ОТ АБСОЛЮТИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ	355
1. ОТ «СТРУКТУРНОГО РАЗРЫВА» К «СМЕШАННОМУ СЦЕНАРИЮ»	355

2. ПЕРЕХОД ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ В АНГЛИИ.....	357
3. СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НОВОВРЕМЕННОЙ СУВЕРЕНИТЕТ.....	359
4. УНИКАЛЬНОСТЬ БРИТАНИИ: КАПИТАЛИЗМ, НОВОВРЕМЕННОЙ СУВЕРЕНИТЕТ И АКТИВНОЕ УРАВНОВЕШИВАНИЕ	365
5. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИ КОМБИНИРОВАННОЕ И СОЦИАЛЬНО НЕРАВНОМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ	375
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ДИАЛЕКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	385
ЛИТЕРАТУРА	391

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ¹

Настоящая работа представляет собой попытку теоретической реконструкции генезиса и эволюции системы европейских государств в период от империи Каролингов до раннего Нового времени — реконструкции, понимаемой как исследование архитектоники и структурной трансформации международных порядков. Первоначально автор мыслил ее как критическое вторжение в преимущественно англо-американский дискурс теории и истории международных отношений, но в ходе исследовательской работы, захватывавшей смежные дисциплины и страны, он все чаще начал обращаться к исторической социологии и историографии для адекватного (как в эмпирическом, так и в методологическом отношении) изучения своего обширного предмета. После окончания «холодной войны» работа над проектом совпала с периодом растущей неопределенности в сфере нашего объекта исследования — «международных отношений» (МО). На ключевой вопрос — вопрос о новом миропорядке — вплоть до сегодняшнего дня ответа не найдено: к такому выводу приходишь, рассматривая понятийные трупы типа «глобализация», «глобальное управление», «глобальное гражданское общество», «многоуровневое управление», «гегемония», «интернационализация государства», «империя», которые после падения Берлинской стены были порождены дискурсом МО, а затем отброшены. Но все эти понятия связаны с представлением об упадке, если не о кончине национального государства эпохи модерна и системы классического государства, которые, опираясь на международно-правовые принципы суверенитета, территориальности и равенства, со времен Вестфальского мира (1648 г.) структурировали геополитический порядок модерна².

¹ Издатели обратились к Бенно Тешке с просьбой написать предисловие к русскому изданию книги. В ответ Тешке прислал текст, служивший предисловием и к немецкому изданию [*Teschke B. Mythos 1648. Klassen, Geopolitik und die Entstehung des europäischen Staatensystems. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2007. S. 12–16*], с пояснением, что, на его взгляд, именно здесь содержится все, о чем он хотел бы поговорить с русским читателем.

² См., например: *Buzan B., Little R. Beyond Westphalia? Capitalism after the 'Fall' // Review of International Studies. 1999. Vol. 25. No. 5. P. 89–104;*

Кроме того, возникла угроза утраты МО как самостоятельной дисциплины, которая (по крайней мере в англо-американских странах) после окончания Первой мировой войны институционально выделилась из политологии и легитимировала свой статус в качестве независимой научной дисциплины, ссылаясь на свою специфическую предметную область «международного».

В контексте кризиса данной дисциплины автор рассматривает настоящую работу как вклад в начавшийся в середине 1990-х годов «исторический поворот» в МО, стремясь четче зафиксировать на понятийном уровне современные геополитические изменения. Что такое нововременное государство? Когда оно возникло и каковы его конституционные предпосылки? Когда и как возникла система нововременных государств? Как можно концептуализировать геополитические отношения в безгосударственных обществах? Но подобным обращением к истории чаще всего подтверждалось, а не подвергалось критике центральное значение, придаваемое Вестфальским мирным договором в МО. Этот миф об истоках — *fons et origo*³ международных отношений — ничуть не пострадал от значительных историографических публикаций⁴, которые в изобилии появились в связи с отмечавшимся в 1998 г. 350-летием Вестфальского мирного договора и внесли существенные разграничения в корпус исследовательских работ, а также от ревизионизма, вот уже более двух десятилетий господствующего в изучении абсолютизма⁵. Хотя в

Cox M., Dunne T., Booth K. Introduction // M. Cox, T. Dunne, K. Booth (eds). Empires, Systems and States: Great Transformations in International Politics. Cambridge, 2001. P. 4. См. также: Siegelberg J., Schlichte K. (Hrsg). Strukturwandel Internationaler Beziehungen: Zum Verhältnis von Staat und Internationalem System seit dem Westfälischen Frieden. Wiesbaden, 2000.

³ Источник и начало, источник и причина (*лат.*). — *Примеч. пер.*

⁴ Duchhardt H. (Hrsg). Der Westfälische Friede: Diplomatie — Politische Zäsur — Kulturelles Umfeld — Rezeptionsgeschichte. München, 1998; Idem. Westphalian System. Zur Problematik einer Denkfigur // *Historische Zeitschrift*. 1999. No. 269. S. 305–315; Asch R., Voß W., Wrede M. (Hrsg). Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit: Die Europäische Staatenordnung und die Außereuropäische Welt. München, 2001; *Burkhardt J. Der Westfälische Friede und die Legende von der Landesherrlichen Souveränität // J. Engelbrecht, S. Laux (Hrsg). Landes- und Reichsgeschichte: Festschrift für Hansgeorg Molitor. Bielefeld, 2004.*

⁵ Последним был обзор Уильяма Бейка: *Beik W. The Absolutism of Louis XIV as Social Collaboration // Past & Present*. 2005. No. 188. P. 195–224.

исследованиях конструктивистского и постструктуралистского толка предпринималась попытка разработки более точных исторических генеалогий международных институтов, все же их авторы в основном сходятся во мнении, что абсолютистская Франция XVII в. являет собой классическую модель первого успешного опыта формирования территориального суверенитета, а статья 8.2 Оснабрюкского мирного договора (*ius foederis* и *ius belli ac pacis*⁶) по-прежнему рассматривается как юридическая кодификация переноса суверенитета на германские сословия, что якобы означало конец Священной Римской империи германской нации. В этой перспективе понятие «Вестфалия» мутирует, превращаясь в шифр, порождающий концепцию нововременного миропорядка на основе модели территориально ограниченного, политически автономного и суверенного национального государства, которому противопоставлена поствестфальская текучая, аморфная и детерриториализованная геополитическая конфигурация, лишенная фиксированного центра политической власти. В таком сценарии «Вестфалия» возвещает о начале Нового времени или модерна, а «пост-Вестфалия» — о начале постмодерна.

Книга «Миф о 1648 годе» — это в первую очередь критика данной основной нормы, определяющей дисциплину, — нормы, которая структурирует периодизацию и концептуализацию международных отношений в современном дискурсе МО. Однако главное новшество не исчерпывается эмпирической коррекцией какого-то исторического недопонимания, но заключается в проекте теоретической реинтерпретации долгосрочной эволюции европейской системы государств, реинтерпретации, которая призвана теоретически прояснить структуру, способ функционирования и трансформацию различных (по конкретным историческим условиям) геополитических систем. При этом данное исследование не только дистанцируется от литературы МО, но и создает двойной интеллектуальный фронт: во-первых, против неовеберианского ренессанса в исторической социологии, который объясняет процессы образования государств, происходившей в раннее Новое время, в первую

⁶ Право вступать в союз и право начинать войну и заключать мир (лат.). — Примеч. пер.

очередь с помощью модели модернизационного и рационализационного давления, вызванного военной и геополитической конкуренцией; во-вторых, отмежевываясь от ортодоксального марксизма, который объясняет образование государств прежде всего коммерциализацией и заморской торговлей и утверждает, что не только возникновение нововременного государства, но и вообще существование всей системы государств — а именно, множественности государств — могут быть выведены из торгового капитализма.

В противоположность этому вводится и разрабатывается программа так называемого политического марксизма. Он подчеркивает специфику различных для конкретных регионов общественных отношений собственности, которые обуславливают характерные для них антагонистические стратегии воспроизводства и социальные конфликты. Последние приводят к большому разнообразию форм экономического развития, политического кооперирования, а также существующих геополитических связей. В итоге появляется возможность не только представить подтверждение фундаментального разброса геополитических динамик в различных режимах собственности для разных исторических эпох, но и объяснить регионально дивергирующие пути развития отдельных обществ, которые не подчиняются никакой обобщающей логике развития и тем не менее не должны отдаваться на произвол идеографическому вердикту об их случайности. И наконец, можно также показать, что европейский «плюриверсум» государств не является функцией капитализма и не может быть выведен из него, но обусловлен накопившимися последствиями средневековых и ранних новоевропейских классовых конфликтов, возникавших вокруг прав собственности и прав господства, которые в конечном счете по-разному дифференцируются на различных династических территориях. Этот феномен описывается на уровне понятий концептом политического и геополитического накопления. Таким образом, Европа как территориальный плюриверсум является историческим наследием докапиталистической эпохи, в котором капитализм позднее развивается и расширяется — первоначально в Англии. Но с возникновением отношений капиталистической собственности происходит также трансформация персонализированных прав господства в формы деперсонализированной государственности, которая заявляет о себе первично в разграничении политического — как абстрактной и публичной сферы

власти — и экономического — как частной сферы гражданского общества. Территориальное разделение «внешнего» и «внутреннего» исторически предшествует таким образом общественному разделению политического и экономического. Тем самым система государств и капитализм оказываются никак не связанными со структурным когенезисом и структурной логикой, которая должна была бы подчинить их отношения исторической инвариантности⁷. Более того, в капиталистическую эпоху они остались соотносенными друг с другом в исторически изменяющихся конфигурациях благодаря исторически изменчивым стратегиям территориализации капиталистических государств. Ковариантность между различными проектами политического устройства пространства и капитализмом в истории нововременных международных отношений — от британского *Pax Britannica* с его фритредерским империализмом, эпохи неоимпериализма с его колебаниями между формальной и неформальной империей до протекционизма эпохи между мировыми войнами и национал-социалистической геополитики, преследовавшей цель создания автаркического экономического пространства, японского проекта формирования крупной восточно-азиатской сферы роста, вплоть до контролируемой США, однако мультилатеральной и либеральной системы свободной торговли и проекта европейской интеграции — демонстрирует широкий спектр капиталистических стратегий специализации — распространения в пространстве. Эти стратегии должны быть исторически объяснены с помощью используемого при рассмотрении социальных конфликтов подхода, основанного на теории действия и описывающего образование и реализацию геополитических стратегий, и не могут быть выведены ни из реалистической системной теории, которая опирается на механику стратегического распределения власти в анархической системе государств, ни из «логики капитала». Но это также означает, что эволюционистские гипотезы о переходе классической системы государств к безгосударственности эпохи глобализации или глобальному государству, опреде-

⁷ Так полагают, например, Джон Ругги: *Ruggie J.G. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis // R.O. Keohane (ed.). Neorealism and its Critics. N.Y., 1986. P. 131–157*; Джастин Розенберг: *Rosenberg J. The Empire of Civil Society: A Critique of the Realist Theory of International Relations. L., 1994.*

ляемому как империя либо «глобальное управление», чересчур тривиальны и не позволяют осмыслить диалектику де- и ретерриториализации⁸.

Настоящая работа связана с теоретической программой политического марксизма, а именно с так называемым тезисом Бреннера, касающимся перехода от феодализма к капитализму, который порывает с телеологическими гипотезами ортодоксального марксизма и показывает специфику возникновения капитализма в Англии в начале Нового времени, а не просто допускает ее⁹. Столь же важны работы Хайде Герстенбергер¹⁰, которая, как и Роберт Бреннер, Эллен Мейксинс Вуд и Джордж Комнинель, на базе исторических материалов убедительно продемонстрировала, что линии развития в Англии и Франции в раннее Новое время серьезно различаются¹¹. Вместе с тем «Миф о 1648 годе» показывает и пределы политического марксизма и работ Герстенберг, которые опираются преимущественно на компаративный метод, а потому не только мало освещают международные отношения в целом, но и недостаточно учитывают в эмпирическом плане значение международных отношений для путей развития, по-разному реализующихся в различных регионах, а главное — не осмысляют его теоретически.

За четыре года, прошедшие с момента выхода первого английского издания «Мифа о 1648 годе», широкая критическая рецепция и многочисленные дискуссии продемонстрировали растущий интерес к феномену поначалу европейской, а затем и мировой системы государств в исторической перспективе, в особенности при учете генезиса и распространения капитализма. В этот период я в

⁸ См. также новую работу на эту тему: *Lacher H. Beyond Globalization: Capitalism, Territoriality and the International Relations of Modernity. L., 2006.*

⁹ *Brenner R. The Agrarian Roots of European Capitalism // The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe / T.H. Aston, C.H.E. Philpin (eds). Cambridge, 1985.*

¹⁰ *Gerstenberger H. Die Subjektlose Gewalt: Theorie der Entstehung Bürgerlicher Staatsgewalt 2. Überarbeitete Auflage. Münster, 2006.*

¹¹ См. также: *Comminel G. English Feudalism and Origins of Capitalism // Journal of Peasant Studies. 2000. Vol. 27. No. 4. P. 1–53;* по Нидерландам см. работы Бреннера: *Brenner R. The Low Countries in the Transition to Capitalism // Peasants into Farmers? The Transformation of Rural Economy and Society in the Low Countries (Middle Ages — 19th Century) in the Light of the Brenner Debate / P. Hoppenbrouwers, J. Luiten van Zanden (eds). Turnhout, 2001. P. 275–338;* *Wood E.M. The Question of Market Dependence // Journal of Agrarian Change. 2002. Vol. 2. No. 1. P. 50–87.*

своей лекции по случаю присуждения мне в 2003 г. Мемориальной премии имени Исаака и Тамары Дойчер¹² сильнее подчеркивал теоретические импликации книги, касающиеся понятия «буржуазной революции» в ортодоксальной марксистской историографии, и доказывал, что идеально-типическое образование понятия, лежащее в основе конструкта «буржуазная революция», не годится для понимания специфики различных для разных стран исходных условий, особенностей протекания и последствий революционных эпох. В противовес этому я выступал за использование не обремененного историко-философскими коннотациями понятия «переходов к капитализму»¹³. Далее я подверг критике сравнительный метод, широко распространенный как у марксистов, так и у немарксистов, который исходит из предпосылки, что пути национального развития следует в принципе объяснять вне их международного контекста. Протестуя против помещения путей национального развития в геополитический вакуум, я предложил ввести понятие неравномерного в социополитическом и пространственно-временном отношении и геополитически трактуемого развития (в книге это развитие тоже характеризуется как социально неравномерное, но геополитически комбинированное), чтобы теоретически еще раз подчеркнуть динамическую взаимосвязь между внутривнутриполитическими и внешнеполитическими силами, характерными для процессов протекания «национального» развития¹⁴. Ибо без социополитической расшифровки международных отношений и мультилатеральной дипломатии в их обратной связи с внутривнутриполитическими процессами никакая история Европы, опирающаяся на постулат диалектической целостности, не может быть

¹² Исаак Дойчер (1907–1967) — известный польский троцкист (с 1939 г. жил в Великобритании), историк-марксист, автор трехтомного исследования о Троцком. Британская премия The Isaac and Tamara Deutscher Memorial Prize присуждается ежегодно (с 1969 г.) за новую книгу в марксистской традиции на английском языке. — *Примеч. пер.*

¹³ *Teschke B. Bourgeois Revolution, State-Formation and the Absence of the International // Historical Materialism: Research in Critical Marxist Theory. 2005. Vol. 13. No. 2. P. 3–26.* В нем. пер.: *Teschke B. Bürgerliche Revolution, Staatsbildung und die Absenz des Internationalen // Prokla: Zeitschrift für Kritische Sozialwissenschaft. 2005. Bd. 35. No. 4. S. 575–600.*

¹⁴ В связи с этим понятием см. также и новую работу: *Rosenberg J. Why is There no International Historical Sociology? // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12. No. 3. P. 307–340.*

написана. В конечном счете таким же образом должны быть по-
 нятийно интегрированы социология и геополитика.

В ходе обсуждения «Мифа о 1648 годе»¹⁵, материалы которо-
 го опубликованы в английском журнале *International Politics*,
 и в ряде рецензий¹⁶ развернулась многоплановая дискуссия по
 комплексу тем из области международных отношений, полити-
 ческой географии, истории раннего Нового времени, истори-
 ческой социологии и марксизма. Повода к принципиальному
 пересмотру моей теоретической позиции или эмпирических
 реконструкций до сих пор, на мой взгляд, не выявилось. Более
 того, критическая рецепция предоставила мне возможность
 предварительно прояснить ряд неверных трактовок, уточнить
 основные положения и точнее изложить дальнейшую исследо-
 вательскую программу этого подхода¹⁷.

Берлин, 7 января 2007 года

¹⁵ *Spruyt H.* Genealogy, Territorial Acquisition and the Capitalist State // *International Politics*. 2006. Vol. 43. No. 5. P. 511–518; *Axtmann R.* The Myth of 1648': Some Musings of a Sceptical Weberian // *International Politics*. 2006. Vol. 43. No. 5. P. 519–525; *Agnew J.* The English Road to Modern International Relations: Benno Teschke's "The Myth of 1648" // *International Politics*. 2006. Vol. 43. No. 5. P. 526–530. См. также: *Morton A.* The Age of Absolutism: Capitalism, the Modern States-System and International Relations // *Review of International Studies*. 2006. Vol. 31. No. 1. P. 495–517.

¹⁶ *Schroeder P.W.* Class and the Making of the Modern International System // *European History Quaterly*. 2005. Vol. 35. P. 119–125; *Miller S.* The Myth of 1648' // *Journal of Social History*. 2004. Vol. 38. No. 1. P. 213–215; *Little R.* The Myth of 1648 // *International Affairs*. 2004. Vol. 80. No. 3. P. 535–536; *Mansbach R.* In Search of the Real State // *International Studies Review*. 2004. Vol. 6. P. 315–317; *Vanaik A.* Has Academe Got it Wrong? // *The Book Review*. Vol. 28. No. 2. P. 14–16; *Balakrishnan G.* The Age of Warring States // *New Left Review*. 2004. Vol. 26. P. 148–160; *Durchhardt H.* <http://www.sehepunkte.de/2004/03/4630.html>; *Kiely R.* The Myth of 1648 // *Journal of International Relations and Development*. 2005. Vol. 8. P. 218–221; *Agnew J.* The History of States and Their Territories // *Geopolitics*. 2005. Vol. 10. P. 184–187; *Fichtner P.S.* The Myth of 1648 // *The American Historical Review*. 2004. Vol. 109. No. 4. P. 1302–1303; *Byres T.* The Myth of 1648 // *History of European Ideas*. 2004. Vol. 30. P. 522–524; *Rabb T.* More IR Than H // *Times Literary Supplement*. 21 May 2004. P. 27.

¹⁷ *Teschke B.* Debating the "Myth of 1648": State-Formation, the Interstate System and the Rise of Capitalism — A Rejoinder // *International Politics*. 2006. Vol. 43. No. 5. P. 531–573.

ВВЕДЕНИЕ

МИФ О 1648 ГОДЕ

Империя, «новое средневековье», многоуровневое глобальное управление, республиканский мир — вот некоторые из понятий и метафор, к которым современная теория международных отношений (МО) и международная политическая экономия (МПЭ) обращаются для осмысления изменений, недавно произошедших в структуре международной системы. Сторонники различных теоретических подходов двух этих дисциплин, разумеется, редко соглашаются друг с другом относительно причин, природы и масштаба этих изменений. Если реалисты заявляют о простом сдвиге баланса сил, связанном с теми изменениями в распределении влияния между элементами системы, которые затрагивают лишь соотношение полюсов в неизменной анархической системе государств, то лагерь не-реалистов практически единодушно приходит к выводу, что традиционный суверенитет государств находится под угрозой. Классическая вестфальская система, построенная на ключевом значении современного, территориально ограниченного суверенного государства, якобы замещается посттерриториальным, постсовременным глобальным порядком. Старая логика геополитического порядка ставится в зависимость от геоэкономики, многоуровневого глобального управления или же требований международного гражданского общества, включающего множество акторов. На наших глазах разворачивается фундаментальная трансформация структуры международной системы вместе со всеми ее правилами разрешения конфликтов и сотрудничества. И хотя реалисты и нереалисты расходятся в своих оценках современной всемирно-исторической ситуации, исследователи в области МО и МПЭ едины в определении вестфальской системы государств в качестве исходной точки для изучения современной структуры мировой политики.

Неясность относительно направленности и последствий современных тенденций вынудила исследователей МО снова обратиться к более широкой проблеме общей природы трансформаций, осуществляющихся как внутри международных систем, так и при переходе от одной системы к другой. И здесь

в качестве более надежного средства для построения теории выступает история. Исторический поворот в МО создал новый список вопросов. Если суверенитет и система государств, возникшие в эпоху Нового времени, вступают в период упадка, какие уроки можно извлечь из более ранних геополитических трансформаций? Если этот новый порядок может стать угрозой для государственного суверенитета, базирующегося на принципе исключительной территориальности, являющемся основным строительным элементом межгосударственных отношений, теряет ли сама эта дисциплина свой статус независимой социальной науки, подтвержденный существованием отдельной сферы «международного»?

Обычно вопрос о формировании нововременного (modern) международного порядка связывается с Вестфальскими мирными договоренностями, которыми завершилась Тридцатилетняя война. Общее мнение, разделяемое и американской политической наукой, и британской теорией международных отношений, и немецкой социальной философией, состоит в том, что вестфальское соглашение выстроило европейский порядок на основе суверенных государств, придерживающихся нововременных принципов разрешения конфликтов и сотрудничества. Междисциплинарное и межпарадигмальное согласие относительно 1648 г. как истока нововременных международных отношений наделило теорию МО как дисциплину собственной направленностью, тематическим единством и исторической легитимностью. Нить подобного молчаливого согласия пронизывает все работы в этой дисциплине, переходя от одного поколения теоретиков МО к другому. Даты не способны лгать, а чем отдаленнее они от нас, тем меньше желания вскрывать их социальный контекст, социальное содержание и значение. Однако периодизация — это не невинное занятие, не просто педагогический или эвристический инструмент для расстановки меток в неразмеченном потоке истории. Такой инструмент влечет за собой предпосылки относительно длительности и содержания определенных эпох и геополитических порядков и одновременно склоняет теории МО к усвоению определенных критериев, используемых для теоретизации непрерывности или слома международных режимов. Следовательно, согласие в вопросе о нововременном характере 1648 г. предполагает более развернутые суждения о непрерывном существовании Вестфальско-

го порядка с середины XVII в. до наших дней. Хотя немногие специалисты по МО станут утверждать, что европейскую политику XVII в. можно напрямую сравнивать с международной политикой века XX-го, большинство согласятся с тем, что фундаментальные принципы геополитического порядка не изменялись 340 лет, хотя в течение последних одного-двух десятилетий они, возможно, и были поставлены под вопрос¹.

В соответствии с этим общепринятым описанием, разделяемым в равной степени реалистами, представителями английской школы и конструктивистами, вестфальские договоренности были поворотным пунктом в истории международных отношений. После 1648 года формализованные отношения между нововременными суверенными государствами пришли на смену перекрестным отношениям между разнородными феодальными акторами, иерархические претензии которых венчались Империей и Церковью. Упрочение исключительного суверенитета, покоящегося на внутренней монополизации средств насилия, отразилось в исключительном контроле правителей над инструментами внешней политики — армией, дипломатией, договорной системой. К середине XVII в. субъектами международного права, основанного на взаимном признании и соответствующем исключении соперничающих центров власти, могли быть только правители, обладающими подобными прерогативами. Благодаря присвоению средств насилия множеством суверенов и сопутствующим этому процессу установлению системы ограниченной территориальности само поле политики было формально разбито на отличные друг от друга внутреннюю и внешнюю сферы, которые основывались соответственно на внутренней политической иерархии и внешней геополитической анархии. После вестфальского соглашения не-территориальные политические акторы — города-государства, союзы городов, феодальные сеньоры, а также иные корпоративные образования «выпали» из международной политики. Международные отношения были институционализированы благодаря постоянно

¹ В отсутствие более точного термина я пользуюсь термином «геополитика» как общим обозначением всех отношений между публичными носителями политической власти. Обсуждение особого значения немецкой традиции *Geopolitik*, существовавшей между двумя мировыми войнами, см.: [Teschke. 2001].

действующим посольствам, координирующим международные дела посредством периодических дипломатических контактов, управляемых кодифицированными и обязательными для исполнения дипломатическими протоколами. Кульминаций подобных контактов стали регулярные созывы многосторонних конгрессов. В то же самое время политический суверенитет и дискурс *raison d'État*² секуляризировали международные отношения, подорвав претензии религии как легитимирующей инстанции и уменьшив универсалистские амбиции Римской католической церкви. Разделение политики и религии, а также возникшая вместе с ним идея самоопределения, ввели принцип мирного сосуществования равных в правовом отношении членов международного общества. Он был воплощен в кодексе международного права, которым устанавливались принципы взаимного признания, невмешательства и толерантности. Универсальные концепции империи и папские стремления к нравственному верховенству в контексте *res publica christiana* уступили место балансу сил как естественному регулятору конкурентных международных отношений в многополярной анархической среде. В период между Вестфальским миром (1648 г.) и Утрехтским миром (1713 г.) международная система государств (state-system) начала приближаться к нововременным международным отношениям.

Со временем такая интерпретация вестфальского соглашения стала конститутивным мифом в теории МО. В противовес ей в этой книге доказывается, что 1648 г., ни в коей мере не отмечая прорыв в сторону нововременных межгосударственных отношений, на самом деле был апогеем эпохи формирования абсолютистского государства: он зафиксировал признание и упорядочение международных, или — если говорить более точно, — междинастических отношений абсолютистских, династических политических образований (polities). Однако для обоснования этого тезиса было бы недостаточно указать на внешние качества политических феноменов — суверенитет, ограниченную территориальность, множественность государств — или же на «анархию» как системный структурирующий принцип между-

² *Raison d'État* (фр.) — государственный интерес, принцип обоснования того или иного политического курса ссылкой на интересы данного государства. — *Примеч. пер.*

народного порядка. Напротив, следует вскрыть *общественные отношения суверенитета*, определившие вестфальский порядок, чтобы продемонстрировать его доновременную природу. Такая задача требует социального и исторического подхода. Неореалистская логика «анархии» практически ничего не может сказать о порождающих источниках и содержательных практиках — войнах за наследование, политических браках, династических союзах, меркантилистских торговых войнах и элиминативном равновесии (*eliminary equilibrium*) — международных отношений периода раннего Нового времени. Однако одно дело изучать современную историографию, которая исправляет эмпирические дефекты, и совсем другое — разрабатывать теоретическую схему, позволяющую по-иному задать значение 1648 г. в более широком историческом континууме эволюции европейской системы государств. Данное исследование стремится демистифицировать Вестфалию, предлагая пересмотреть развитие и динамику европейской системы государств в период с VIII по XVIII в., опираясь на диалектический историко-материалистический подход. Моя интерпретация вращается вокруг пяти следующих исследовательских осей.

1. *Сравнительная историческая социология*, которая стремится выяснить различия между разными геополитическими порядками. Если все больше исследователей сходятся во мнении, что в разные времена международная политика не управлялась одним «общим законом», значит нам нужно определить отдельные наборы «правил игры». В какой степени отличаются друг от друга международные отношения разных исторических периодов, будь то классическая эпоха, Средневековье, Возрождение, раннее Новое время, Новое время и Новейшее время? Каковы были природа и значение таких основных геополитических институтов, как политическая власть и публичная власть, война и мир, границы и территориальность, легитимация и принуждение, создание империй и геополитическая фрагментация, образование альянсов и разрешение конфликтов, в разные исторические периоды?

2. *Причинно-следственное исследование*, которое изучает фундаментальные детерминанты этих системных изменений. Как понимать связь между геополитикой, политической властью и социальными силами? Хотя сложные, масштабные макроисторические феномены не просто согласовать с социально-

научными требованиями причинно-следственной строгости и систематичности, уход в чистое описание также не является бесспорным методом. Следовательно, вновь встает задача определения причинных связей и/или оснований — или даже оснований, скрытых за основаниями, — приводимых коллективными и индивидуальными акторами для оправдания собственных действий. А это требует разработки и прояснения основных переменных объяснения, используемых в реалистском, конструктивистском и критическом направлениях теории МО.

3. *Динамический подход*, который стремится определить и теоретически объяснить главные действующие силы и процессы системных геополитических трансформаций. Является ли геополитическое изменение производным от расцвета и падения великих держав, их гегемонистских проектов и неравномерного распределения власти между конфликтующими элементами системы или же оно направляется более глубокими органическими структурами и параметрами социально-экономической истории? Рождается ли оно из процессов обучения, идущих внутри дипломатического сообщества, и соответствующих навыков искусного государственного управления или же определяется коллективными изменениями ментальности и самовосприятия коллективных акторов, а также переносом идей? Следуют ли трансформации изменениям в балансе классовых сил, которые приводят к крупным изменениям режима и реструктуризации международных порядков или же изменения классовых структур и политических режимов сами следуют геополитическому давлению и геополитическим трансформациям? Являются ли эти процессы изменений постепенными, эволюционными и практически незаметными или же они проявляют себя внезапно и неотвратимо в ключевые периоды системных кризисов?

4. Исследование *хронологических и географических причин нововременных международных отношений*. Следует ли нам предположить, что можно дать адекватное концептуальное описание происхождения нововременной международной системы в терминах «сдвига от Средневековья к Новому времени» или же необходимо откорректировать эту излишне упрощенную точку зрения, доказывая наличие промежуточных этапов между и внутри различных геополитических порядков, кумулятивным эффектом которой как раз и стала нововременная геополитическая конфигурация? Если мы должны разобраться

с несколькими значительными переходами, как это повлияет на определение генезиса нововременного порядка? Если он, в противоположность общей предпосылке, складывается не в XVII в. после Вестфальского мирного соглашения, можем ли мы определить более позднюю системную цезуру, будь она договорами Раштатта-Утрехта, Венским конгрессом или даже мирным Версальским договором? Какова связь между развитием нововременного государства — и, *a fortiori*, множества государств — и капитализмом? Когда в международных отношениях началось Новое время (modernity)?

5. *Переоценка и проверка теорий МО* на предмет их внутренней логической обоснованности, политических выводов, объяснительной силы, оцениваемой в соответствии с историческими данными. Хотя в дидактических целях можно объединять в одну группу весьма разных исследователей, прищипывая к ним общий ярлык, различия внутри конкурирующих теоретических школ часто выражены столь же сильно, как и различия между ними. Даже если межпарадигмальное согласие вряд ли возможно, а для плюралистического научного сообщества его можно признать даже нежелательным, целью является максимальное прояснение как наших расхождений, так и пересечений, поскольку оно позволит провести конструктивную критику при оценке эмпирической точности, внутренней логичности, объяснительной силы и эпистемологических предпосылок.

Я использую два способа изложения. Во-первых, применяю сравнительный и хронологический методы для проработки и сопоставления разных исторических логик «международных» отношений, представляемых средневековой, ранненовременной и нововременной геополитическими системами. Этот *сравнительный подход* позволяет нам выявить фундаментальные различия в соответствующих этим системам схемах сотрудничества и конфликта. Во-вторых, я принимаю хронологический метод, предполагающий скорее повествовательное, хотя и управляемое определенной теорией, изложение внутренней и международной динамики, повлекшей системные трансформации. Такой *процессуальный подход* позволит нам также рассмотреть ключевой вопрос причин перехода от одного геополитического порядка к другому. Однако концепция истории как процесса демонстрирует при этом, что эти трансформации никогда не были теми событиями, охватывавшими всю систему,

которые могли бы оправдать представление мировой истории в виде четкой последовательности различных геополитических порядков. Поскольку изменения государственных форм осуществлялись в региональном и хронологическом отношении весьма неравномерно, нам нужно выстроить теорию международных отношений различных сосуществующих друг с другом политических акторов в системах «смешанных акторов».

Теория МО идеально подходит для совмещения сравнительных исследований с объяснениями развития, поскольку одна из аксиом этой дисциплины состоит в том, что политические сообщества никогда не являются замкнутыми на себя единствами, ведь сами их формы и пути развития всегда уже взаимнодетерминированы многочисленными взаимодействиями внутри более широкой геополитической среды. Однако относительно скудный вклад, сделанный теорией МО в историческую социологию, требует привлечения литературы из других дисциплин, изучающих общее историческое развитие. В исторической социологии ключевая проблема определяется давними спорами о возникновении нововременного государства. К этой проблематике относятся все теории о средневековом и ранненовременном формировании государства, а также о возникновении нововременных экономических отношений, включая литературу о докапиталистических экономических системах и о рождении капитализма. Все они весьма тесно связаны с неовеберовской исторической социологией, которая на протяжении последних двух десятилетий создала наиболее влиятельные объяснения воздействия военной конкуренции в многополярной системе государств на формирование государства, общественные революции и общее историческое развитие. Цель не в том, чтобы выработать наиболее полную экзегезу «священных» текстов Карла Маркса, а в том, чтобы проанализировать самые свежие результаты современной историографии, когда они значимы для теории МО, рамками которой выступает диалектическое понимание исторического развития.

ОСНОВНАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

Любое сочетание теории МО как социальной науки и истории должно начинаться с той посылки, что не существует всеобщего закона, который объяснял бы международное поведение во все

времена, так же, как не существует общей объяснительной теории истории. Однако такой тезис не служит оправданием для методологического плюрализма, интеллектуального отречения в пользу предельной случайности и отступления к насыщенным повествовательным описаниям. Задача — определить социальный праксис, формирование, разрушение и перестройка которого опосредуют метаболизм взаимодействующего с природой человечества, задействуя в первоочередном порядке политику и геополитику, то есть определить общественные отношения собственности. Мой основной теоретический аргумент, развитый благодаря разработке принципов политического марксизма, состоит в том, что формирование, работа и трансформация геополитических порядков обосновываются изменяющейся природой составляющих их единиц³. Общественные отношения собственности, опосредующие отношения между крупными классами, первоначально определяют *формирование* и природу этих политических единиц. Вписанные в определенные временные рамки балансы сил находят выражение в политически выстроенных институтах — окаменелых праксисах, которые задают параметры специфичных для данных классов и потому антагонистичных правил воспроизводства. Политические институты фиксируют режимы общественных отношений собственности, предоставляя правила и нормы, а также силу и санкции для воспроизводства исторически специфичных классовых отношений. Стратегии воспроизводства, в свою очередь, определяют внутренние и международные отношения, выступая обоснованием для различных *способов действия* разных геополитических порядков. Хотя политически выстроенные режимы собственности институционализируют социальные конфликты и задают пределы специфичных для определенных классов стратегий, во времена общих кризисов они сами могут оспариваться.

Однако невозможно наложить на исторические данности трансисторическую теорию общего кризиса. Напротив, усло-

³ К основным текстам этой парадигмы относятся: [Brenner. 1977, 1985a, 1986, 1989, 1993, 2001; Wood. 1991, 1995, 2002; Comninel. 1987]. См. также: [Андерсон. 2006; Андерсон. 2010; Gerstenberger. 1990; Rosenberg. 1994]. В метатеоретическом смысле теория отношений общественной собственности совместима с диалектическим мышлением; см.: [Heine, Teschke. 1996, 1997; Teschke, Heine. 2002]. Ключевыми текстами по диалектике являются: [Kosik. 1976; Bernstein. 1972; Schmidt. 1981].

вия, общий ход и исходы этих кризисов могут быть установлены только в историческом исследовании. История не телеологична, но в ретроспективе она интеллигибельна. *Геополитические трансформации* управляются изменчивым, но не случайным разрешением тех социальных конфликтов, которые порождают новые режимы собственности и отношения власти, фиксируя новый *status quo* посредством выработки новых правил и норм его воспроизводства. Изменения режимов собственности реструктурируют природу политических сообществ, присущие им формы конфликта и сотрудничества. Поддержание правил и обсуждение правил — с применением насилия или без него — это активные сознательные процессы, осуществляющиеся как внутри государств, так и на международном уровне.

На протяжении всего данного текста эта элементарная теоретическая идея будет называться *теорией общественных отношений собственности*. Эта альтернативная отправная точка порождает серию содержательных результатов, которые ставят под вопрос центральные посылки теории МО и исторической социологии.

СТРУКТУРА РАССУЖДЕНИЯ

Следствия теории общественных отношений собственности для теории МО и исторической социологии развиваются в восьми главах. В первой главе дается обзор шести влиятельных в среде МО интерпретаций исторического развития европейской системы государств. Она начинается с краткого описания антиисторических посылок неореализма и его неспособности осмыслить системные геополитические трансформации и изменения в международном поведении. Затем в ней дается критический обзор двух новаторских конструктивистских теорий, которые исходят из той посылки, что международные системы не могут быть отделены от истории. Главную проблему теории МО они видят в возникновении и возможном преодолении нововременной международной системы. Далее в главе оцениваются сильные и слабые стороны недавно возникшей неомарксистской интерпретации. В ее заключении кратко обсуждается то, как переоформить наш теоретический подход, чтобы появилась возможность изучения проблемы долгосрочной и широкомасштабной трансформации геополитических порядков. Цель —

поддержать исторический поворот в теории МО, выработав критическую теорию международных отношений.

Вторая глава начинается с реконструкции истоков и развития европейской системы государств, что требует выработки критического отношения к продолжающемуся в среде теории МО спору о Средневековье. Теория общественных отношений собственности развивается здесь благодаря сравнению и сопоставлению взглядов Макса Вебера и Карла Маркса на отношение между политическим и экономическим; здесь же мысль Маркса о докапиталистических обществах встраивается в новую концепцию, опирающуюся на работы Роберта Бреннера. Затем на этом основании в главе выстраивается новая интерпретация средневекового геополитического порядка. Рассуждение сводится к тому, что отношения условной феодальной собственности управляли противоречивыми стратегиями воспроизводства двух главных классов (феодалных сеньоров и крестьян). Эти стратегии определяли территориальные и административные свойства средневековой политической организации как совокупности сеньорий, также они объясняют экономический застой и вскрывают характер средневековой геополитики как военной культуры, движимой систематическим реинвестированием в средства принуждения и (гео)политическое накопление. Феодальная геополитика объясняется не системой-структурой (анархия/иерархия) или же модусами территориальности, а именно общественными отношениями собственности.

Третья глава обращается к истории общественных отношений сеньории. Начинается она с краткого описания проприетарного основания империи Каролингов, затем в ней выстраивается теория перехода от имперской иерархии к феодальной фрагментации в период кризиса начала тысячелетия, ставшего результатом изменений классовых отношений. Далее дается объяснение центробежного движения в XI в., состоявшем из четырех элементов (норманнское завоевание, немецкое *Ostsiedlung*⁴, испанская реконкиста и крестовые походы), как результата земельного дефицита у бывших франкских рыцарей, случившегося после установления права первородства, ограничившего доступ знати к политическим средствам присвоения. Затем в главе показыва-

⁴ *Ostsiedlung* (нем.) — поселение на востоке, обозначение германской колонизации Восточной Европы. — *Примеч. пер.*

ется, как возрождение городов в XII в. было связано с феодальными классовыми отношениями и почему растущая торговля между городами не стала ни капиталистическим явлением, ни двигателем европейского «экономического взлета». В заключении дается теория новой консолидации феодальных королевств в период Высокого Средневековья как процесса геополитического накопления, также демонстрируются средневековые начала расходящихся траекторий формирования государства/общества во Франции и в Англии — эти линии развития заложили территориальные параметры Европы как многоакторной системы государств.

В четвертой главе историческая реконструкция прерывается ради нескольких теоретических пояснений фундаментального характера. Она начинается с оценки трех влиятельных историко-социологических теорий перехода к Новому времени — неовебианской геополитической модели конкуренции, неомальгузианской демографической модели и неомарксистской модели коммерциализации. Утверждаю, что все три модели неудовлетворительны как в теоретическом, так и в эмпирическом отношении. Затем, опираясь на работы политических марксистов, я развиваю альтернативную концепцию капитализма, которая демонстрирует связь между капиталистическими общественными отношениями собственности и собственно нововременным государством. Также обращаю особое внимание на то, что, хотя нововременное государство включено в капиталистическое отношение, нововременная система государств (множественных территорий), в которой позднее возник капитализм, была наследием классового конфликта внутри правящего класса докапиталистических правителей. Принимаемая здесь концепция капитализма порывает с тем общепринятым взглядом, что развитие капитализма было общесистемным и общеевропейским событием, движимым возрождением городов и распространением торговли (либо в XII, либо в XVI в.). Отвергая неосмиттовские послышки, которые лежат в основе значительной части литературы, посвященной распространению капитализма, я утверждаю, что экономическое и политическое развитие в средневековой и ранненовоявременной Европе было весьма неоднородным в региональном отношении, особенно во Франции и в Англии, что привело к весьма различным отношениям государства и общества, которые имеют ключевое значение для понимания при-

роды и динамики ранненовременных и современных систем государств. Эта совокупность тезисов задает новую отправную точку для осмысления неравномерного перехода к экономическому и (гео)политическому Новому времени.

В пятой главе на основе достигнутых результатов историческая реконструкция завершается благодаря исследованию развития и природы абсолютизма во Франции — главном государстве, подписавшем Вестфальский мир. Я начинаю с обзора регионально дифференцированного перехода от феодализма к абсолютизму и исследую связь между сохранением докапиталистических общественных отношений собственности, экономическим застоєм и логикой персонализированного династического суверенитета. Затем мною показана картина явно доновременной природы основных абсолютистских институций — продажи должностей, постоянной армии, налогообложения, правовой системы и природы войн, приводящая к заключению, что воинственная природа абсолютистских государств была крайним выражением политических стратегий накопления, укорененных в режиме общественных отношений собственности, характеризуемом государством налогов/постов, получающим от крестьянства, владеющего средствами собственного выживания, принудительно извлекаемую ренту. Абсолютизм, вовсе не подготавливая переход к капитализму, укрепил докапиталистические аграрные режимы собственности посредством чрезвычайного по объему налогообложения, которое ограничивало производительность и технологический прогресс. Связь между докапиталистическим режимом собственности и карательным налогообложением периодически подрывала и в конечном счете исчерпала производительные силы французской аграрной экономики, которая на протяжении всего ранненовременного периода продолжала управляться типично докапиталистическими эко-демографическими циклами. В то же время абсолютизм вызвал гипертрофированный рост дисфункционального, небюрократического государственного аппарата, нацеленного на войны вовне страны и принудительное изъятие прибавочного продукта внутри нее. Абсолютистское государство не было новременным, рационализированным или «эффективным». В заключении главы утверждается, что «Старый порядок» не только был совершенно неновременным — его общественный режим собственности препятствовал переходу и к капита-

лизму, и к рационализованному государству. В долгосрочной перспективе слом абсолютистского наследного государства налогов/постов был спровоцирован «извне», первоначально задаваясь экономическим и военным давлением со стороны капиталистической Британии.

В шестой главе исследуется природа и динамика ранненовременной международной политической экономии, что приводит к критике тезиса, согласно которому «долгий XVI век» учредил нововременную миросистему. Рассуждение сводится к тому, что и торговые империи итальянских городов-государств, и меркантилистские империи ранненовременных династических государств при получении коммерческой прибыли зависели от территориальной демонстрации политической и военной власти. Это породило логику игры с нулевой суммой, присущую милитаризованным международным торговым монополиям, которые препятствовали устойчивому экономическому росту. Экономическое создание империй и властно-политический охват оказались равнообъемными и потому несоизмеримыми с капиталистической логикой экономической конкуренции, управляемой ценовым механизмом, реализуемым свободной торговлей на открытых рынках. Социальная логика меркантилизма базировалась на «обращенном в прошлое» классовом альянсе раздающих привилегии монархов и привилегированных купцов, собирающих и распределяющих прибыли от неравных обменов. В заключении главы говорится о том, что капитализм был не результатом распространения торговли, подталкиваемой торговым капитализмом или меркантилизмом, и что международная экономика XVI в. оставалась тесно связанной с архаическими коммерческими практиками в духе «купить подешевле — продать подороже».

В седьмой главе проводится критика основного мифа теории МО, гласящего, что с вестфальского соглашения началась эра нововременных международных отношений. В главе развивается объяснение междинастических отношений в период Вестфальской эпохи, основывающееся на доказательстве нововременной природы династического суверенитета. Здесь показывается, как и почему династический суверенитет выражался серией «непонятных» практик геополитического конфликта и сотрудничества, специфичных для ранненовременного геополитического порядка. Логика международных отношений ха-

рактизовалась династическими союзами, скрепляемыми королевскими и аристократическими политическими браками и разрываемыми войнами за престолонаследие. Территории оставались приложениями к планированию королевских браков и войнам за престолонаследие. Хищническая логика династического равновесия была несовместима с реалистским балансом сил. В заключении главы дается новая текстуальная интерпретация пунктов вестфальских мирных договоренностей, которая демонстрирует, каким образом 1648 г. стал выражением и кодификацией социальных и геополитических отношений абсолютистского суверенитета.

В последней главе доказывается, что начала нововременных международных отношений связаны с развитием капитализма в ранненовременной Англии. Однако, не предполагая внезапного «структурного разрыва», постигшего логику международных отношений при переходе от ранненовременной к нововременной геополитике, я, скорее, подчеркиваю странную комбинацию различных государственных/общественных комплексов в ранненовременной Европе, которые должны быть теоретически осмыслены как «смешанный» сценарий. Сначала выписывается влияние становления аграрного капитализма в Англии на трансформацию английского государства XVII в., ставшую сдвигом от династического суверенитета к парламентскому, закрепленным Славной революцией 1688 г. Затем я показываю, каким образом принятие нового постреволюционного и парламентского курса внешней политики — политики «открытого моря» — было связано с реорганизацией экономической и политической власти в Британии и как оно привело к отмене докапиталистических императивов геополитического накопления. Затем я извлекаю соответствующие следствия для европейской геополитики XVIII в. Мой аргумент состоит в том, что заданный Британией баланс сил установился в «смешанной» системе государств, на фундаментальном уровне все еще определяемой докапиталистическими государствами, занимающимися геополитическим накоплением. Активная балансировка сил привела к тому побочному эффекту, что государства стали сталкиваться друг с другом до тех пор, пока не истощились в военном и экономическом отношениях. Хотя эндогенное развитие капитализма было характерным только для Англии, его распространение не являлось транснациональным, а стало *геополитически опосре-*

дованным процессом, который превратил династические государства континента в нововременные государства, вынужденные пройти путь комплексного в геополитическом отношении и неравномерного в социально-политическом смысле развития. Европу интересовало главным образом управление модернизирующим давлением, создаваемым британским комплексом государства/общества, который поставил европейских соседей в *невыгодное в плане конкуренции и экономики положение*. Это вынудило управляющие государством классы применить контрстратегии, которые привели к цепочке «революций сверху», то есть к введению капитализма. Этот долгий период трансформации длился в Европе с 1688 г. по Первую мировую войну, а в остальном мире — и после. Международные отношения в этот период были не нововременными, а *модернизирующимися*. Однако хотя распространение капитализма оказало широкое влияние на классовые и режимные изменения в Европе (переход от абсолютизма к капитализму и от династического суверенитета к нововременному), оно не могло изменить территориальной раздробленности Европы как геополитического плюриверсума. Многие территории были явным результатом конфликтов докапиталистических правящих классов. Но именно этому докапиталистическому наследию могут сегодня угрожать глобализация и глобальное управление независимо от того, как именно они реализуются — в имперско-односторонней или многосторонней форме.

В заключении подводятся итоги исследования и выводятся более обширные следствия для теории МО и исторической социологии. Также дается набросок программы исторического и теоретического исследования, подчиняющейся тому динамическому подходу, что был развит в предыдущих главах. Такая программа стремится осмыслить политически и интеллектуально вредоносное воздействие «рационализма» теории МО и защищает диалектику как верную метатеорию осмысления международных отношений.

Научное издание
Серия «Социальная теория»

БЕННО ТЕШКЕ

МИФ О 1648 ГОДЕ:
КЛАСС, ГЕОПОЛИТИКА
И СОЗДАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Редактор
ГАЛИНА КОРАБЛЕВА

Компьютерная верстка
НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор
ГАЛИНА СТАРИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 06.12.2010. Формат 60×90/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 22,4
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1274. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП
«Типография „Наука“»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-7598-0827-5

9 785759 808275